

М. Шиппель

**Профессиональные союзы
рабочих**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Шиппель**
Профессиональные союзы рабочих / М. Шиппель – М.: Книга по Требованию,
2016. – 90 с.

ISBN 978-5-518-02885-2

Рабочая библиотека, серия 2, выпуск 1.

ISBN 978-5-518-02885-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ

I

Въ странахъ съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ и съ свободными политическими формами профессиональные союзы рабочихъ выполняютъ чрезвычайно важную, хотя и ограниченную задачу. Основная цѣль профессиональныхъ союзовъ состоитъ въ улучшеніи экономического и профессиональнаго положенія рабочихъ, на сколько это возможно въ предѣлахъ современнаго общественнаго строя. Къ первому мы относимъ главнымъ образомъ повышеніе заработной платы и уменьшеніе рабочаго дня; ко второму — улучшеніе внѣшней обстановки на фабрикахъ, измѣненіе къ лучшему фабричныхъ правилъ и т. под. Каковы мѣры, принимаемыя профессиональными союзами для того и другого, и каково значеніе этихъ мѣръ для рабочихъ — на эти вопросы читатель найдетъ отвѣтъ въ предлагаемой брошюрѣ Шиппеля.

Но, какъ сказано, эта задача профессиональныхъ союзовъ ограничена, а именно ограничена современнымъ способомъ производства. Въ нынѣшнемъ обществѣ производство ведется для полученія прибыли. Это не всегда такъ было и не всегда такъ будетъ: въ докапиталистическую эпоху цѣлью производства являлось удовлетвореніе потребностей самихъ производителей, на примѣръ, крестьянъ, или тѣхъ, кому производители были подчинены, на примѣръ, помѣщиковъ; въ будущемъ социалистическомъ обществѣ производство будетъ стремиться къ удовлетворенію потребностей всѣхъ членовъ общества. Въ настоящее время капиталистъ, представитель капитала, покупаетъ на рынкѣ рабочую силу, являющуюся единственнымъ источникомъ прибыли. Плата за эту рабочую силу опредѣляется въ общемъ потребно-

стями рабочихъ. Но потребности эти могутъ развиваться. Капиталистъ стремится удержать эти потребности на самомъ низкомъ уровнѣ. Пока рабочіе разрозненны, они и довольствуются этимъ низкимъ уровнемъ. Но съ появленіемъ рабочихъ союзовъ дѣло измѣняется. Рабочіе союзы уменьшаютъ конкуренцію рабочихъ между собою и тѣмъ способствуютъ повышенію заработной платы.

Но для того, чтобы профессиональные союзы могли выполнять эту важную задачу, необходимо, чтобы за ними было признано право на существованіе, чтобы закономъ признавалась свобода союзовъ. Такое признаніе немислимо при существованіи самодержавія.

Само собою разумѣется, что наше законодательство не признаетъ существованія рабочихъ союзовъ и караетъ стачки какъ уголовное преступленіе. Относящіяся сюда статьи Уложения о наказаніяхъ имѣютъ слѣдующее содержаніе:

Ст. 1358. За стачку между работниками какого либо завода, фабрики или мануфактуры, прекратить работы прежде истеченія условленнаго съ содержателями сихъ заведеній времени для того, чтобы принудить хозяевъ къ возвышенію получаемой ими платы, виновные подвергаются:

аресту, зачинщики — на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, а прочіе — отъ семи дней до трехъ недѣль.

1358.¹ За прекращеніе работъ на фабрикѣ или заводѣ по стачкѣ между собою рабочихъ, съ цѣлью принужденія фабрикантовъ или заводчиковъ къ возвышенію заработной платы или измѣненію другихъ условій найма до истеченія срока послѣдняго, виновные подвергаются:

подстрекавшіе къ начатію или продолженію стачки — заключенію въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ, а прочіе участники — заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ.

Участники стачки, прекратившіе таковую и приступившіе къ работамъ по первому требованію полицейской власти, отъ наказанія освобождаются.

1358.² Участники стачки, причинившіе поврежденіе или уничтоженіе заводскаго или фабричнаго имущества, или имущества лицъ, служащихъ на заводѣ или фабрикѣ, буде содѣянное ими не составляетъ болѣе тяжкаго преступленія, подвергаются:

подстрекавшіе къ сямъ дѣйствіямъ или распоряжавшіеся толпою — тюремному заключенію на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ, а прочіе участники — тюремному заключенію на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ.

1358.³ Участники стачки, принудившіе другихъ рабочихъ, посредствомъ насилія и угрозъ, прекратить работу, или не возобновлять прекращенную, буде учиненное ими насиліе не составляетъ болѣе тяжкаго преступленія, подвергаются:

подстрекавшіе къ сямъ дѣйствіямъ или распоряжавшіеся толпою — тюремному заключенію на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ, а прочіе участники — тюремному заключенію на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ.

Здѣсь сохранены всѣ характерныя особенности реакціоннаго законодательства, считающаго стачки особымъ преступленіемъ и налагающаго особаго наказанія за дѣйствія, совершаемыя при стачкахъ, хотя бы и не наказуемыя на основаніи общаго уголовнаго законодательства. Сюда, напримѣръ, слѣдуетъ отнести очень растяжимое понятіе „угрозъ“. Если въ обыденной жизни одинъ рабочій заявитъ, что не хочетъ имѣть никакихъ сношеній съ товарищемъ за какой-нибудь некрасивый поступокъ со стороны этого послѣдняго, если даже въ запальчивости онъ употребитъ болѣе сильное выраженіе, то въ худшемъ случаѣ законъ увидитъ въ этомъ оскорбленіе, за которое мировой судья и назначитъ незначительный штрафъ. Если же это произойдетъ во время стачки, то то же дѣйствіе получаетъ названіе угрозы и на основаніи статьи 1358³ наказуется тюремнымъ заключеніемъ на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года четырехъ мѣсяцевъ. Мало этого. Признавая, что „участники стачки, прекратившіе таковую и приступившіе къ работамъ по первому требованію полиціи, отъ наказанія освобождаются“, законъ перестаетъ видѣть въ стачкѣ столкновение между предпринимателемъ и рабочими, и придаетъ ей значеніе политическаго преступленія, за которое государственная власть вправѣ карать, вправѣ и мловать, причемъ милуетъ она того, кто своевременно раскаялся, т. е. кто измѣнилъ собственному дѣлу.

Дальше. Не смотря на то, что наше законодательство караетъ стачку торговцевъ или промышленниковъ тюремнымъ заключеніемъ на время до восьми мѣсяцевъ (статья 1180 Уложения о на-

казаніяхъ), число синдикатовъ (союзовъ предпринимателей) растетъ у насъ съ каждымъ годомъ. У насъ уже существуютъ синдикаты — сахарный, гвоздильный, нефтепромышленный, стеклопромышленный и страховой. Въ апрѣлѣ 1901 года, по словамъ официального органа нашего министерства финансовъ, „Торгово-промышленной Газеты“, представители пяти дѣйствующихъ въ Россіи трубопрокатныхъ заводовъ послѣ продолжительныхъ совѣщаній подписали условіе, въ силу котораго всѣ заводы соединяются въ формальный синдикатъ съ обязательными для всѣхъ участниковъ цѣнами, нормировкой производства, разграниченіемъ сбыта и дѣлежомъ общей прибыли согласно производству каждого отдѣльнаго завода. Не трудно предсказать, какая участь постигла бы рабочихъ за одну только попытку создать подобный же союзъ въ интересахъ товара — рабочей силы!

Въ брошюрѣ Шинпеля читатель найдетъ примѣры неодинаковаго отношенія къ синдикатамъ предпринимателей и къ союзамъ рабочихъ со стороны законодательства нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странъ. Но въ то время какъ западно-европейскія правительства принуждены считаться съ существующими законами, наше царское правительство не имѣетъ надобности церемониться: хотя законъ одинаково запрещаетъ и синдикаты предпринимателей и стачки рабочихъ, но это не мѣшаетъ правительству и его чиновникамъ терпѣть и даже поддерживать синдикаты и преслѣдовать стачки...

Тѣ, которые представляютъ себѣ возможность свободы союзовъ при самодержавномъ правительствѣ, разсуждаютъ обыкновенно такимъ образомъ: рабочіе сначала устраиваютъ стачки; отсюда они выносятъ убѣжденіе въ пользѣ союзовъ, начинаютъ тайнѣ отъ правительственныхъ чиновниковъ соединяться между собой; мало по малу къ такимъ союзамъ всѣ привыкаютъ и, наконецъ, законодатели оказываются вынужденными признать ихъ.

Нѣтъ ничего ошибочнѣе такого представленія. Мы нисколько не отрицаемъ возможности существованія небольшихъ союзовъ, терпимыхъ правительствомъ въ виду ихъ безабидности для него и для фабрикантовъ, но отсюда до свободы союзовъ такъ же далеко какъ отъ земли до неба.

Профессіональный союзъ, прежде всего, не есть союзъ рабочихъ одной фабрики и не можетъ даже долго оставаться союзомъ рабочихъ нѣсколькихъ фабрикъ; стремленіе къ національному и

интернаціональному (международному) объединенію лежитъ въ характерѣ этой дѣятельности. Для всякаго, кто внимательно прочитаетъ брошюру Шиппеля, будетъ ясно, почему это такъ. Но чѣмъ союзъ обширнѣе, чѣмъ шире тѣ рамки, въ которыхъ онъ дѣйствуетъ, тѣмъ больше онъ нуждается въ защитѣ отъ произвола чиновничества. Безъ свободы собраній и свободы слова, безъ устной и печатной агитаціи такой союзъ вообще невозможенъ.

II

Но, говорятъ наши „экономисты“*), примѣръ Англіи, Бельгійи и другихъ конституціонныхъ странъ показываетъ, что и при свободныхъ политическихъ формахъ рабочіе союзы все же преслѣдуются, стачечники все же подвергаются наказаніямъ. Поэтому, говорятъ они, политическая свобода вовсе не является предварительнымъ условіемъ для развитія и роста рабочаго движенія.

Подобное умозаключеніе нашихъ „экономистовъ“ отнюдь нельзя назвать логичнымъ. Если и при политической свободѣ союзы рабочихъ не всегда пользуются законнымъ признаніемъ и даже терпятъ иногда гоненія, то отсюда можетъ быть сдѣланъ только тотъ выводъ, что и на западѣ рабочимъ еще надо бороться за расширеніе своихъ политическихъ правъ, а не тотъ, что русскіе рабочіе могутъ обойтись безъ этихъ правъ.

Признавая, поэтому, тотъ неоспоримый фактъ, что не всякая конституція гарантируетъ рабочимъ всю необходимую для развитія ихъ класса степень свободы, мы тѣмъ не менѣе не можемъ согласиться съ вышеуказаннымъ взглядомъ „экономистовъ“. Даже самая плохая конституція даетъ хоть нѣкоторую возможность двигаться, говорить, писать, учиться, словомъ создаетъ ту атмосферу, въ которой дальнѣйшее развитіе совершается уже съ гораздо большей быстротою и легкостью.

Въ этой новой атмосферѣ и рабочій классъ начинаетъ дышать совсѣмъ иначе. Борьба, которую ведетъ теперь небольшое мень-

*) Примѣчаніе для читателя двадцать перваго столѣтія, если таковой найдется. — Въ лѣто отъ Р. Хр. 1901-ое „экономистами“ (въ кавычкахъ) назывались не тѣ, которые занимались изученіемъ экономическихъ наукъ, а тѣ, которые утверждали, что рабочіе не должны преслѣдовать другихъ цѣлей, кромѣ экономическихъ.

шинство, тогда встрѣтитъ отголосекъ въ сердцахъ тысячъ и десятковъ тысячъ, и нечего будетъ бояться, что этотъ отголосекъ можетъ быть заглушенъ почеркомъ пера цензора или окрикомъ жандарма. И то, что при самодержавіи совершенно немислимо, при существованіи политической свободы становится вопросомъ мѣсяцевъ, даже дней.

„Существовали конституціи, которыя не признавали свободы союзовъ.“ Да! Но существуетъ ли возможность завоевать эту свободу при самодержавіи? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. А между тѣмъ даже при жалкой австрійской конституціи рабочіе добились свободы коалицій. Конституціонному правительству легче дѣлать уступки въ вопросахъ, касающихся разныхъ „свободъ“, такъ какъ эти уступки не подтачиваютъ его существованія, а скорѣе увеличиваютъ его силу, зависящую отъ степени довѣрія къ нему народа. Гоненія, которымъ подверглись англійскіе рабочіе въ началѣ девятнадцатаго вѣка, Шиппель сравниваетъ съ эпохой исключительнаго закона противъ социалистовъ въ Германіи. Но что значитъ эта эпоха въ сравненіи съ мученичествомъ русской революціи за послѣдніе сорокъ лѣтъ?

Вотъ почему тысячу разъ неправы наши „экономисты“. Мы не отрицаемъ возможности кое-какихъ уступокъ со стороны самодержавія, но это будутъ уступки, не затрагивающія глубоко его интересовъ и вынужденныя страхомъ передъ политическимъ движеніемъ пролетаріата.

III

Заговоривши объ уступкахъ нашего правительства, невольно вспоминаешь массовыя петербургскія стачки 1896 и 1897 года, вызвавшія наиболѣе крупную изъ уступокъ, сдѣланныхъ до сихъ поръ рабочимъ. Изъ „Тайныхъ документовъ, относящихся къ закону 2-го іюня 1897 года“, мы знаемъ, что правительство, издавая этотъ законъ, преслѣдовало главнымъ образомъ одну цѣль — отвлеченіе рабочихъ отъ политики. Эта мысль о связи между тогдашнимъ стачечнымъ движеніемъ и политикой, ясная нашему правительству, была также ясна тогдашнему руководителю движенія, петербургскому „Союзу борьбы за освобожденіе рабочаго класса“. Впослѣдствіи наши социальдемократы сдѣлали въ этомъ отношеніи большой шагъ назадъ.

Этот понятный шагъ въ настоящее время многими отрицается. Въ самое послѣднее время неоднократно дѣлались попытки представить развитіе революціонной мысли среди дѣйствующихъ въ Россіи социалъдемократовъ какъ постоянное движеніе впередъ, какъ постепенное освобожденіе отъ предрасудковъ исторической среды. На основаніи этого толкованія наше движеніе никогда не отклонялось въ сторону: его политической характеръ начинается обнаруживаться только въ самое послѣднее время, а идея о непримиримости рабочаго движенія съ самодержавіемъ родилась чуть ли не вчера.*) Литература эпохи петербургскихъ стачекъ покажетъ намъ, насколько вѣрно и то и другое.

Въ № 3-4 „Работника“, вышедшемъ въ 1897 году, помѣщена интересная во многихъ отношеніяхъ статья „По поводу С. Петербургской стачки“, писанная лицомъ, весьма близко стоявшимъ къ тогдашнимъ петербургскимъ социалъдемократамъ и хорошо знакомымъ съ тогдашнимъ настроеніемъ. Вотъ что мы читаемъ въ этой статьѣ:

„Въ Россіи, благодаря ея политическому строю, передъ рабочимъ движеніемъ заложены всѣ или почти всѣ легальные пути; этотъ политическій строй и существуетъ-то потому, что всѣ другіе классы русскаго общества оказывались до сихъ поръ — по тѣмъ или инымъ причинамъ — противъ него безсильными. Они, т. е. имущіе классы, пользуются существующимъ политическимъ строемъ, они управляютъ Россіей при посредствѣ самодержавнаго царя и его многоголоваго чиновничества, но управляютъ, такъ сказать, съ задняго крыльца, какъ нѣкогда помѣщичьей вотчиной управ-

*) Въ № 9 „Рабочаго Дѣла“ (май 1901) статья Мартынова „Очередные вопросы“ начинается такъ: „По мѣрѣ распространенія нашего движенія въ немъ все сильнѣе и сильнѣе начинается пробиваться политическая струйка. Объ этомъ свидѣтельствуетъ характеръ социалъдемократической литературы за послѣдніе три года... А въ примѣчаніи, сдѣланномъ редакціей къ этой статьѣ, говорится: „Тѣмъ не менѣе она (т. е. статья) не теряетъ своего глубокаго интереса въ качествѣ новой (? Д. К.) попытки „выработать принципы политической тактики рабочаго движенія“ на основѣ анализа какъ психики рабочаго, такъ и въ особенности самодержавнаго строя“ (курсивъ въ подлинникѣ). О психикѣ рабочаго въ другой разъ. Что же касается „политической струйки“, проявившейся „за послѣдніе три года“ и „новой попытки“ на основѣ анализа „самодержавнаго строя“, то объ этомъ смотри въ текстѣ.

ляли хитростные бурмистры или всеильные дворецкіе, которымъ господа и ихъ первые слуги говорили „ты“, хотя и плясали подъ ихъ дудку. Г. Витте — покорный слуга русскихъ капиталистовъ и помѣщиковъ, не смотря на то, что онъ держитъ себя съ ними какъ баринъ, и подчасъ очень строгій. За этотъ маскарадъ капиталистовъ и помѣщиковъ, царя и слугъ его, министровъ, благодаря отсутствію политическихъ правъ у русскихъ подданныхъ, всѣхъ тяжело платится рабочій людъ, крестьяне и фабричные рабочіе. Съ нихъ берутъ тяжелые налоги, ихъ образованію ставятся величайшія препятствія, имъ не только не даютъ никакихъ правъ, но еще жестоко караютъ за всякія попытки соединенными усиліями улучшить свое положеніе. На людей изъ другихъ классовъ, которые хотятъ помогать рабочему народу, пробуждая въ немъ сознаніе, научая его защищать свои интересы, ставятъ клеймо: неблагонадежный. Съ этимъ клеймомъ нельзя быть учителемъ, нельзя служить въ земствѣ, нельзя часто вообще зарабатывать себѣ хлѣбъ. Это гнусное слово, которое означаетъ, что можно думать, говорить и жить только такъ, какъ велитъ царь и его чиновники, во всемъ цивилизованномъ мірѣ существуетъ только на русскомъ языкѣ и для русскаго народа...

„Россія — единственная въ Европѣ страна, въ которой современная крупно-капиталистическая промышленность и пролетаріатъ развиваются при господствѣ самодержавія. Ни одна страна при такихъ политическихъ условіяхъ не обладала такою промышленностью... Растущая промышленность и торговля и преобразуемое ими земледѣліе требуютъ и сами создаютъ новыхъ людей, чѣмъ допотопное дѣдовское хлѣбопашество, да убогіе кустарные промыслы... Огромному большинству рабочихъ нѣтъ выхода изъ своего класса. Пробудившаяся мысль и пытливость рабочаго направляется, поэтому, не на личное благополучіе, а на интересы и задачи всего класса, всего народа или всего человечества. Интересы же всего рабочаго класса стоятъ въ непримиримомъ противорѣчій съ существующимъ политическимъ строемъ. Образованный, развитой рабочій не можетъ не знать, что только въ Россіи рабочимъ запрещено устраивать стачки, собранія и союзы, что только русскіе законы о печати не даютъ говорить объ интересахъ и задачахъ рабочихъ, какъ особаго класса. У насъ, правда, существуетъ фабричное законодательство, но не то, что наше жалкое, а даже самое совершенное фабричное зако-

подательство не может объять всѣхъ сторонъ жизни рабочихъ. Правительство путемъ фабричныхъ законовъ можетъ сократить рабочее время и устранить наиболѣе вопіющія безобразія фабричныхъ порядковъ. Но есть одна сторона въ жизни рабочихъ, и при томъ самая важная для нихъ, относительно которой совершенно бессильно самое лучшее рабочее законодательство: это — столкновения и споры между хозяевами и рабочими о высотѣ заработной платы. Для того, чтобы добиться повышенія заработной платы или недопустить ея паденія, — рабочіе должны требовать и вообще дѣйствовать сообща. . . Между тѣмъ, въ Россіи рабочимъ запрещены всякія дѣйствія сообща. Но разъ условія капиталистической промышленности сами дѣлаютъ необходимымъ, чтобы рабочіе сообща устанавливали уровень заработной платы, сообща боролись за ея повышеніе и противъ ея пониженія, то не значитъ ли это, что политическій строй, не допускающій такой борьбы со стороны рабочихъ, долженъ напоминать пролетариату о своемъ несоотвѣтствіи съ его интересами, напоминать постоянно и въ растущей мѣрѣ. . .

„Вотъ почему рабочій классъ въ Россіи есть единственный революціонный классъ: онъ не только страдаетъ отъ существующаго политическаго строя, какъ земледѣльцы — крестьяне, онъ всѣмъ своимъ положеніемъ вынужденъ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе будетъ вынужденъ вести борьбу съ самодержавіемъ царя и самовластіемъ чиновниковъ. Лишь въ немъ всегда возможны массовыя движенія, которымъ не могутъ положить преграда никакія правительственныя мѣропріятія, ни фабричныя урядники, ни фабричныя инспектора, лишь рабочихъ, какъ цѣлый классъ, грамотность и образованіе будетъ толкать на осуществленіе задачъ, непримиримыхъ съ общественнымъ безправіемъ. Современное русское правительство не можетъ позволить рабочимъ устраивать стачки, союзы и собранія: если даже сегодня рабочій классъ и воспользуется этими средствами лишь для борьбы съ капиталистами, то завтра онъ, въ союзѣ съ другими недовольными элементами общества, обратитъ ихъ противъ правительства для того, чтобы завоевать себѣ дальнѣйшее расширеніе правъ. А такое расширеніе можетъ уже произойти только на счетъ самодержавія. Такимъ образомъ, самодержавное правительство должно преслѣдовать рабочее движеніе, а рабочій классъ, добывающійся простора для самодѣятельности и классовой борьбы, долженъ бороться съ самодержавіемъ. Это —

двѣ силы, между которыми не можетъ быть ни мира, ни даже временнаго перемирія.“*)

Какъ видитъ читатель, авторъ очень ясно сознаетъ политическія задачи русскаго рабочаго класса, и если онъ не говоритъ о новой „попыткѣ выработать принципы политической тактики рабочаго движенія на основѣ анализа особенностей самодержавнаго строя“, то по той простой причинѣ; что въ 1897 году въ этой попыткѣ не видѣли ничего новаго.

Не забылъ также авторъ статьи „По поводу С.-Петербур. стачки“ элементовъ, изъ которыхъ „и прежде и теперь рекрутировались наши революціонеры“,**) т. е. интеллигенціи:

„Интеллигенція, въ лицѣ своихъ наиболѣе энергичныхъ и радикальныхъ представителей, должна слиться съ рабочимъ движеніемъ. И чѣмъ яснѣе выступаетъ политическая задача этого движенія, тѣмъ легче слиться съ нимъ наиболѣе сознательнымъ элементамъ интеллигенціи. Интересы русской интеллигенціи никогда не мирились и теперь еще менѣе, чѣмъ когда-либо, мирятся съ политическимъ безправіемъ. Черезъ всю русскую исторію XIX-го вѣка тянется борьба извѣстнаго слоя русскаго образованнаго общества съ самодержавнымъ произволомъ. Борьба эта, какъ ни безуспѣшна она была до сихъ поръ, породила множество духовныхъ силъ: сознательно или безсознательно, на этой борьбѣ воспиталась и выросла русская литература и ея великіе представители. Духовныя силы интеллигенціи и умственныя сокровища литературы сами по себѣ, конечно, недостаточны для того, чтобы завоевать русскому народу политическую свободу. Но соприкосновеніе съ революціоннымъ общественнымъ классомъ, съ классомъ рабочихъ, превратитъ эту дремлющую духовную силу въ силу дѣйствующую и общественную.

„Борясь за политическую свободу, русскій рабочій классъ и слившаяся съ нимъ революціонно-соціалистическая интеллиген-

*) „Работникъ“ № 3-4, стр. V — XI. — Просимъ кстати у читателя извиненія за длинныя выписки. Намъ побуждаетъ къ этому появленіе соціаль-демократовъ, непомнящихъ родства. Соціал-демократическая мысль будетъ постоянно дѣлать странныя зигзаги, если пренебрежительное отношеніе къ нашему прошлому станетъ у насъ обыденнымъ явленіемъ. Мы видимъ въ этомъ опасность даже для нашей практической работы и считаемъ необходимымъ указать на этотъ фактъ.

**) Выраженіе „Рабочаго Дѣла, № 9, стр. 45-46.